

МЕТАФОРИЧЕСКИЙ ОБРАЗ И СПОСОБЫ ЕГО ОТРАЖЕНИЯ В ЯЗЫКЕ*

Л.Б. МОРГОЕВА,
кандидат филологических наук, старший научный сотрудник
СОИГСИ им. В. И. АБАЕВА

О метафоре и ее проявлениях существует в лингвистике достаточно большое количество не только отдельных статей, но и крупных монографических работ, как в общей теоретической мысли, так и ее проявление в отдельных языках.

В нашей статье речь пойдет о метафорических процессах, происходящих в осетинском языке (в контексте общей теоретической мысли) и их роли в создании новых семантико-стилистических новообразований, которые в свою очередь закрепляются в языке в виде новых коннотативных смыслов существующих лексем или новых фразеологических оборотов.

Границы метафоры в языке очень широки: ее механизмам подвергаются лексические, словообразовательные, фразеологические и синтаксические уровни языковой системы. Метафора связывает два различных явления, выявляя их сходства и идентичность, и традиционно объясняется как «приём

осмысления чего-либо в терминах чего-либо ещё» [1, 136-151].

Другими словами, это особый способ мышления о мире, при котором используются ранее добытые знания для постижения новых. Из некоторого еще не четко «додуманного» понятия формируется новый концепт за счет использования первичного значения слова и многочисленных сопровождающих его ассоциаций.

В известной работе Дж. Лакофф и М.Джонсона «Метафоры, которыми мы живем» ключевой является мысль о том, что вся наша окружающая действительность (зримая и незримая) пропитана метафорами, а основной их тезис сводится к тому, что «большая часть обычной понятийной системы человека структурирована с помощью метафор; т.е. большинство понятий понимается с помощью тех или иных частей других понятий» [2, 94]. Авторы трактуют метафору и как фигуру речи, и как фигуру мысли. Метафоры, в их понимании, объединяют две концептуальные сферы – сферу-источник

* Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РГНФ проекта №08-04-37406а / Ю

и сферу-мишень, создавая возможность осмысления сферы-мишени в терминах сферы-источника. Иными словами, «то, что мы знаем о сфере-источнике, также относится и к сфере-мишени, так как метафора устанавливает формальную идентичность между ними, заявляя, что «А – это В». Это определение метафоры также включает в себя аналоговое мышление» [1, 136-151].

Метафора так глубоко проникла в сознание человека, что без ее механизмов не обходится ни одна мыслительная деятельность, будь то бытового характера или делового, и даже научного. Кроме того, она необходима нам для более или менее точного описания того интуитивно осмысливаемого, что стоит за гранью познанной реальности и, можно сказать, интуитивного восприятия, не говоря уже о том, что метафорические процессы в языке являются основными и главенствующими в создании экспрессивного текста, намеренного или спонтанного.

Рассмотрение метафоры, очередное обращение к этому феномену не только языковой, но и гносеологической системы, более чем оправдано, поскольку изменяющийся мир постоянно подсказывает нам все новые и новые образы. Сознание человека меняется вместе с изменяющимся миром, а значит, меняется и призма, через которую мы смотрим на вещи, окружающие нас. О появлении метафоры О.М.Фрейденберг писала: «Переносные смыслы! Кто бы мог додуматься до такого смыслового препятствия, если бы оно не явилось в человеческом сознании в силу объективных гносеологических законов» [3, 111-113].

Мир образов богат и разнообразен. Для языкового выражения этих

образов мы прибегаем, в том числе, и к метафорическим приемам. А речь, выстроенная по схеме «как если бы...» имеет свои и «плюсы» и «минусы».

К минусам мы можем отнести то, что при образно-описательном выражении мысли мы не всегда в состоянии точно, соответственно реалиям действительности, передать наше восприятие, состояние, чувства, эмоции, и, наконец, объективность содержания. Субъективность самой природы метафоры не всегда, а точнее, практически никогда, не способствовала этому. С другой стороны, несомненным преимуществом метафорического приема изложения является то, что именно такой способ выражения мысли придает нашей речи индивидуальность и неповторимость, обогащает ее и украшает. Наконец, благодаря метафоре в широком понимании этого слова, мы имеем возможность наблюдать важные и интересные изменения в языковых процессах, а именно: возникновение новых лексических значений и речевых оборотов, появление новых слов и окказионализмов, новых схем построения предложений – и все это, несомненно, обогащает язык и развивает его.

Говоря о природе самого метафорического процесса, невозможно не сказать и о том, что он напрямую зависит от определенного типа мышления.

Но и здесь существует двоякое объяснение причин и предпосылок появления метафоры. С одной стороны, есть мнение, что метафора возникает тогда, когда в языке не находится того необходимого языкового знака (лексемы, слова), который соответствовал бы высказываемой мысли, который бы совпадал с описываемым объектом, предметом, состоянием,

чувством и т.д. Так, по М.Мюллеру, метафора появилась вследствие лексической бедности древнего языка: запас слов был небольшим, и человек вынужден был употреблять одно и то же слово для обозначения различных предметов и явлений [4, 90].

Г. Гийом также связывал возникновение экспрессии (а мы рассматриваем метафору как один из компонентов экспрессивности) с недостаточными языковыми знаниями самого говорящего... Речь, очевидно, шла о том, что говорящий, не найдя в своем языковом и лексическом арсенале нужного слова, при описании возникшей мысли, прибегает к тому ограниченному лексическому составу, который имеется в его распоряжении.

С этим нельзя полностью согласиться, но мы не можем и категорически отрицать того, что, действительно, некоторые слова и обороты речи могут появляться, грубо говоря, по причине нехватки слов, иногда нехватки слов именно в момент речи, что может быть вызвано или волнением, или бурными эмоциями, или избытком переживаемых чувств. Получается парадокс: незнание языка может рождать выразительность речи. Конечно, и этот вывод можно считать условным и даже более того – сомнительным.

С другой стороны, заставляет задуматься и тезис о том, что «метафоры означают только то (или не более того), что означают входящие в них слова, взятые в своем буквальном значении» [5, 172-193].

Несколько иначе думали А.Н.Афанасьев и А.А.Потебня, считая, что метафора возникла вследствие сближения между предметами, сходными по производимому впечатлению. Она создавалась совершенно свободно,

черпая из богатого источника, а не по нужде, не ради бедности языка [6; 7].

Подобные трактовки и тезисы идут вразрез с современными точками зрения и носят определенный критический заряд. Но, отчасти, благодаря этому, метафора становится не менее, а более интересным явлением. Тем более, что авторы этих тезисов, в частности Д.Дэвидсон, признают присутствие художественного начала в метафоре и определенную долю артистизма в ней. «Не может быть метафор, лишенных артистизма, как не бывает шуток, лишенных юмора. Конечно, встречаются безвкусные метафоры, но и в них есть артистизм, даже если его и не стоило обнаруживать или можно было лучше выразить» [5].

Спорность этого тезиса также очевидна, поскольку артистизм, о котором говорит Д.Дэвидсон, уже предполагает известную степень субъективности и в процессе создания, и в процессе ее понимания, поэтому и нет справочников для определения того, что «означает» метафора или «о чем сообщает». Как бы там ни было, но именно образы, возникающие в момент эмоционального пика, выражаются посредством языковых знаков и впоследствии закрепляются в языке. Именно этот процесс возникновения и закрепления образов в языке и представляет огромный интерес как результат взаимодействия языка и мышления. В этом отношении справедлив вывод В.А.Масловой о том, что метафора по своей природе антропометрична, а сама способность мыслить метафорически есть черта собственно homo sapiens, значит, постижение метафоры есть в какой-то мере постижение человеком самого себя. Именно метафора делает аб-

страктное легче воспринимаемым и понимаемым (основной путь метафорического переноса от конкретного к абстрактному, от материального к духовному) [8,91].

Возникающие метафорические образы находят свое отражение в языке в сжатом либо в развернутом виде, что приводит к появлению новых коннотативных смыслов в слове, либо к появлению новых устойчивых оборотов. Образно-мотивированные слова (метафоры) так же, как и фразеологизмы, являются экспонентами культурных знаков, поскольку закрепленные за ними культурные коннотации сами становятся знанием, а, значит, источником когнитивного освоения. Основным условием закрепления в языке и перехода метафор в статус устойчивого оборота является как раз содержание в новых коннотативных смыслах культурного этнокомпонента. Не случайно в исследованиях, наряду с устоявшимся термином «метафора», появляются и новые научные термины, семантически схожие или пересекающиеся с «метафорой» – «внутренняя форма», «культурная коннотация», «хронотоп» и другие, которые, так или иначе связаны с этнокультурными смыслами в слове или выражении. Закрепление метафор в языке не происходит в одночасье, следовательно, существует некий промежуточный этап, когда выражение еще не стало устойчивым, а, значит, распространенным, но уже перестало быть просто сравнительным оборотом или образным выражением.

Процесс появления новых коннотативных смыслов в слове зависит в некоторой степени и от исходного первичного значения лексемы: когда на основе сходства по цвету, качеству,

функциям, и т.д. происходит перенос названия с одного предмета, качества, явления на другой, попросту говоря, сопоставление двух объектов.

Несколько иначе обстоит дело с устойчивыми выражениями. Здесь следует разграничивать метафору повседневную, стертую, которая превратилась в обыденные устойчивые конструкции или речевые штампы, и эмоционально-выразительную, которая функционально-семантически граничит с устойчивым оборотом. Подобные выражения и представляют для нас особый интерес с точки зрения их экспрессивного содержания, ибо, по нашему мнению, они являются вариантами перехода от простого метафорического выражения к фразеологизму. Причем, фразеологизмами они становятся не всегда, но ряд характерных признаков фразеологизмов все же приобретают. Так ли это и верно ли наше утверждение? Именно на этот вопрос мы хотим попытаться ответить в данной статье.

Итак, поэтичность и образность бесспорна в таких выражениях, как – *Цæлыккыл рæстæг сындæггай тылдис къамбец уæрдонау* – «Время потихоньку катилось на Цалыка как запряженная арба» или *Хæххон уады тымыгъау, кæрæдзи сурын куы райдайыны йæ бирæ хъуыдытæ...* – «Когда начинают обгонять друг друга его множество мыслей, его невзгоды, подобно горному ветру...». Кроме того, в них помимо вполне устойчивых метафор *рæстæг тылдис* «время катилось» и *хъуыдытæ кæрæдзи сурыны* «мысли обгоняют друг друга» мы наблюдаем еще и ее усиление метафорическим сравнением *къамбец уæрдонау* «как запряженная арба» и *хæххон уады тымыгъау* «подобно горному ветру». В результате мы имеем мета-

фору в метафоре, что, несомненно, является очень мощным выразительным средством и стилистическим приемом. Надо сказать при этом, что чаще всего это бывает авторская метафора, примененная к «стертой» метафоре. Приведем еще пример: **Никуыцай ницы зыны, æрмæст иу бараг, йæ бæхы комы тæф йæ сæрмæ мигъы къуымбилау бады, йæ бæхы сæфтджыты бынай зæхх халæттау тæхы, афтæмай æрбахæстæг кæны махмæ.** (Санаты У.) «Ниоткуда ничего не видно, только всадник приближается к нам, объятый дыханием своего коня, подобно туману, а из-под копыт разлетается земля, словно воронье».

Суть и назначение метафоры в основном состоит в том, чтобы освободить себя и реципиента от долгих и изнурительных описаний чувственно-эмоционального характера и сопоставить его с уже существующим понятием или явлением, рождающим подобные эмоционально-чувственные переживания при его восприятии. Поэтому мы и прибегаем к передаче своих ощущений по схеме «подобно тому как...», «как если бы...». С точки зрения рациональности и экономии интеллектуальных затрат, это кратчайший путь к сознанию реципиента, а с точки зрения прагматики и функциональной семантики, это рождение нового смыслового значения.

Метафора сама по себе является образным средством, риторической фигурой, но будучи оформленной в составе сравнительной конструкции ее воздействие усиливается, а сравнительная часть в этой конструкции создает поэтичность, усиливая при этом один из признаков, на основе которого как раз и строится метафора. Так, протекание времени в нашем

примере сравнивается с запряженной арбой, а стремительность мыслей – с порывами горного ветра. И в том и в другом случаях, благодаря сравнениям, метафорический образ становится более осязаемым, причем слияния или растворения образов друг в друге не происходит. Напротив, оставаясь самостоятельными образами, они органично дополняют друг друга, хотя доминирующую смысловую нагрузку все же несет исходная метафора. Сравним, к примеру, метафорическое выражение *Бонтæ сындаггай ихсыдысты* (Хъайтыхъты А.) «Дни медленно стирались» (Кайтуков А.), схожее с нашим первым примером, с той лишь разницей, что нет дополнительного, художественного сравнения. Или: *Мæ зæрондай мæ хондысты дывзагон кæлæнгæнæг. Мæ цæстытæ тартæ кæныны, зæхх мыл зилы, мæ риу арт уадзы, мæ зонд дзæгъæл кæны.* (Санаты У.) «В моем старческом возрасте меня будут называть двуличным злодеем. В глазах у меня темнеет, земля кружится, грудь горит, ум затуманивается». Они явно уступают по своей образности предыдущим вариантам, поскольку являются легкоузнаваемыми метафорами.

На фоне простой поэтической метафоры, которой присуще удвоение обозначений одной и той же реалии, т.е. сосуществование прямого и метафорического значения, двойные метафоры по своей экспрессивности гораздо сильнее. Двойственность номинации в простой метафоре определяет и двойственный характер смысловых связей, которые исходят то от прямого значения, то от метафоры, а это удваивает, в конечном счете, и смысловую глубину поэтического текста. В двойной же метафоре эти процессы усиливаются и углубляют-

ся: смысловые связи, исходящие от прямых значений постоянно подразумеваются, а метафорические связи накладываются друг на друга.

Сочетание «метафора+сравнение» явление достаточно частое в осетинском языке (особенно в художественной литературе), однако, это не говорит о том, что в чистом виде сравнительные обороты не встречаются. Сравнительные обороты в осетинском образуются при помощи существительного в уподобительном падеже *кæйау? цæйау?* «подобно кому? подобно чему?». Отличия в системах грамматических форм осетинского и русского языков не позволяют продемонстрировать их адекватные переводы на русском.

Например: *Нæмыг ахаста Аслæн-бегæн йæ бæрцытæ. Арвы ферттывдау фæсхъиутта йæ мидбынаты Аслæнбег.* (Санаты У.) – «Пуля снесла Асланбеку газыри. Подобно сверкнувшей молнии подскочил на месте Асланбек»; *Битарта сæ хъал бæхтыл бадтысты цæргæстау.* (Санаты У.) – «Битаровы сидели на своих лошадях словно орлы»; *Уыцы ныхæстæ кæнгæйæ, иу топны дзыхæй рацæуæгау, Аслæнбег æмæ Хуысинæйы нæмгуытæ бумбулийау фæхицæн кодтой бæхæй Битарыфырты.* (Санаты У.) – «С этими словами, будто вышедшие изо рта одного ружья, пули Асланбека и Хусины подобно пушинке отделили Битарова от коня»; *Мырзахъ йæ былтæ асарфта иу сау чъизи фындзыкæлмарзæнæй уæззаугомау, стæй йæ йæ дзыппы нывæрдта буцгомау æмæ мардмæ бадæгау кастис Хæмæттæ...* (Хъайтыхъты А.) – «Мирзак тяжело вытер губы черным грязным платком, потом важно положил его в кар-

ман и подобно сидящему у покойника смотрел на Хамата...».

Однако это не единственно возможный способ образования сравнительного оборота в осетинском. Конструкции сравнения строятся также при помощи существительного в родительном падеже (часто с дополнительными определениями) и вспомогательного слова «хуызæн». Такие конструкции могут быть как простыми, так и сложными в семантико-стилистическом отношении.

Например: *Дуармæ нæма ахæццæ ис, афта мæнæ хохаг мæнауы куырисы хуызæн æрбацæуы сæ къæбæлдзыгсæр чызг...йæ сæрыхъуынтæ бухайраг уæлдзармы хуызæн къæбæлдзыг сбадтысты.* (Сечъынаты Л.) – «Еще не дойдя до двери, он увидел, словно сноп горской пшеницы, их кудрявоголовую девочку... ее волосы подобно каракулевому меху кудрями вились». Особенности подобных конструкций состоит в том, что в них образная часть представляет собой довольно развернутое метафорическое описание. Поэтому здесь, вероятно, следует говорить не о чистом виде сравнения, а о метафорическом сравнении.

Утверждение о том, что метафоры поглощают нашу жизнь, в том числе и речь, подтверждается следующим примером: *Чызг уыдтæн, зонын æй, цæстдарæг нæм куы нæ вæййы, уæд куырм галы хуызæн цъыфы ныссадзæм.* (Боциты Б.) «Девушкой была, знаю, если остаемся без внимания, то подобно слепым волам увязаем в грязи». Здесь, в отличие от предыдущих примеров, метафорический образ доминирует: на конструкцию сравнения указывает лишь вспомогательное слово *хуызæн*, а на сравниваемый объект – личное окончание

глагола *ныссæдзæм*. Сравним с другим возможным оформлением *куырм гал цъыфы куыд ныссæдза, уыййау* «подобно тому, как слепой вол увязает в грязи». Схожее построение имеют предложения: *Тугæй нæ цы тæрсын кæныс, къниаз, бадаг чызджы мойæ куы тæрсын кæнай, уыййау? Туг дзы афтæ ракалæд, æмæ дзы долани куырой куыд разила. (Санаты У.)* – «Что ты нас кровью пугаешь, князь, как пугают старую деву замужеством? Пусть кровь прольется так, чтобы от нее мельница закрутилась»; *Дæ сæр дын исчи хæрæгнасы бæсты хæссы... Цавæр фынаг у? Цыма дæ дыдынтæныххостой, уый рæсыд куы ныккодтай... (Цæггараты М.)* «Кто-нибудь твою голову вместо тыквы унесет... Сколько можно спать? Ты распух, будто тебя осы покусали». В приведенных случаях возникновение образов несомненно, но трудно однозначно определить, лежит ли в их основе метафора или сравнение.

Мы не случайно, рассматривая метафору, большое внимание уделяем сравнению. Общеизвестно, что в основе метафоры лежит сравнение: ее традиционно называют сокращенным сравнением – без предикатов подобия (похож, напоминает и др.) и компаративных союзов (как, как будто, словно, точно, как бы и др.). «Метафора лаконична. Она сокращает речь, сравнение ее распространяет. Формальным изменениям соответствуют смысловые. Сравнение выделяет любое – постоянное или преходящее – сходство (или его отсутствие). Метафора – устойчивое подобие» [9].

Означает ли это, что возможности сравнения шире? Имеет ли сравнение тенденцию к стиранию образа, так же как и метафора? Ответы на эти

вопросы, казалось бы, очевидны. Но тщательный анализ языковых ситуаций заставляет относиться с некоторой долей сомнения к этим уже устоявшимся постулатам.

Метафорические сочетания и выражения, поскольку они выделяют устойчивое подобие, в большей степени склонны к стиранию образных (коннотативных) смыслов. Сравнение же, помимо того, что является все же основой метафоры, способно подмечать и постоянное и преходящее сходство, т.е. возникновение и использование сравнительного оборота в речи более частотно, более «доступно» говорящему. Метафора представляется как более отточенный, отшлифованный вариант подмеченного постоянного, устойчивого сходства.

В авторских текстах порой сложно разграничить метафору и сравнение, особенно, если оно имеет тенденцию к устойчивости всего выражения. Скажем, в предложении *Афтæмæй хæлардзинады лалым нæ дыууæты 'хсæн дымсы. (Хъайтыхъты А.)* – «Так бурдюк дружбы между нами двоими раздувается» – легко предположить опущение предиката *хуызæн*: *нæ дыууæты 'хсæн цы хæлардзинад ис, уый лалымы хуызæн дымсы* «дружба между нами раздувается подобно бурдюку», или трансформировать объект сравнения в грамматическую форму уподобительного падежа – *нæ хæлардзинад лалымау дымсы* (перевод тот же, ввиду отсутствия в русском языке соответствующего падежа). Другой пример: *Фосы фæддыл æрцауы бирæ зæрдахудтытæ, фос хæйрæджы нымæт у... (Санаты У.)* – «Из-за скота случается много размолвок, скот – бурка дьявола». (Трансформированный вариант *фос хæйрæджы нымæтау у* «скот подобен бурке дьявола»). Если в предложенных нами ва-

риантах сравнение легко распознается благодаря своим «опознавательным» признакам, то исходный вариант предложения с такой же легкостью может стать и устойчивым выражением, при условии, что оно будет синтаксически лаконично оформленным.

В другом примере синтаксическая конструкция при некотором изменении легко превращает предложение в пословичный вариант, вопрос только в том, насколько семантико-смысловое содержание соответствует требованиям паремиологических выражений.

Например: *Дæхи загъдау, хуры тæвдæй сатæгмæ чи лидза, уымæн даргъ таурæгътæ кæнынæн рæстæг цауылнæ хъуамæ уа!...* (Цæгæраты М.) – «Как ты и говоришь, кто от солнечного тепла бежит в тень, у того почему не должно быть времени на длинные рассказы». Изменив его, мы получим вариант: *Хуры тæвдæй сатæгмæ чи лидза, уымæн даргъ таурæгътæ кæнынæн рæстæг фылдæр ис* – «Кто от солнечного тепла бежит в тень, у того больше времени на длинные рассказы».

В стремлении создать максимально яркий образ рождаются насыщенные метафорические выражения, несущие мощный экспрессивный заряд: ... *афтæмæй (Дуда) архайдта Бæтæйы фырттыл фыдбылызы хæхтæ амайыныл.* (Санаты У.) «...так (Дуда) старался соорудить горы несчастья на сыновей Бата»; *Мæ хæларттæ, мæ лымæнтæ, ме 'фсымæртæ! Удхæссæг мæм æрфистæг кодта йæхи. Уыимæ гæрзтæй хæцæн нæй, фæлæ ма,*

Будзи, æри уæлæ мæ хъисфæндыр. (Санаты У.) – «Друзья мои, братья мои! Ангел, уносящий душу, оголился передо мной. С ним нельзя бороться оружием, подай мне, Будзи, вон ту мою лиру».

Приведенные примеры являются вариантами синтаксического изменения высказываний, суть которых сводится к тому, что грамматико-синтаксическое оформление может изменять статус образного выражения и, соответственно, открывать путь во фразеологический состав языка, при условии соблюдения или наличия характерных признаков последних.

Итак, небольшой анализ, проведенный в данной статье, позволяет нам предположить, что образ изначально возникает в форме сравнения, которое впоследствии, в результате языкового оттачивания, может закрепиться в языке в виде устоявшейся метафоры или посредством грамматико-синтаксического оформления закрепиться в языке в виде устойчивого фразеоборота или паремиологического выражения. И в том и в другом случае необходимым условием является наличие яркого образа, передающего устоявшееся сходство и, самое главное, содержание этнокультурных коннотаций. В любом другом случае выражение остается сравнительным оборотом, передающим ситуативное или субъективное восприятия двух сравниваемых объектов. Их экспрессивная функция при этом не исключается. Возможно только ее большее или меньшее проявление.

1. Будаев Э.В., Чудинов А.П. Современная политическая лингвистика. Екатеринбург, 2006.
2. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. М., 2004.
3. Фрейденберг О.М. Происхождение эпического сравнения (на материале «Илиады») // Труды юбилейной научной сессии. 1919-1944. Л., 1946.
4. Цит. по: Маслова В.А. Лингвокультурология / Учебное пособие для высших учебных заведений. М.: Издательский центр «Академия», 2004.
5. Дэвидсон Д. Что означают метафоры. Теория метафоры. М., 1990.
6. Афанасьев А.Н. Происхождение мифа. М., 1996.
7. Потебня А.А. Символ и миф в народной культуре. М., 2000.
8. Маслова В.А. Лингвокультурология / Учебное пособие для высших учебных заведений. М.: Издательский центр «Академия», 2004.
9. Арутюнова Н.Д. Метафора // Языкознание. Большой энциклопедический словарь. М., 1998.